Протоиерей Александр НОВОПАШИН

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК МИХАИЛ КАПРАНОВ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ.

- С отцом Михаилом нас связывает давняя дружба, поэтому, бывая в Барнауле, я всякий раз захожу навестить его.

Но на это раз, я приехал в Барнаул, когда узнал, что батюшка тяжко заболел и лежит в больнице. Особым здоровьем отец Михаил и так никогда не отличался, а в советском концлагере ему пришлось оставить и то, что имел. Еду в больницу, чтобы проведать дорогого друга и наставника, а сам вспоминаю случаи из его жизни, о которых он - митрофорный протоиерей Михаил Капранов - мне сам рассказывал в прошлые наши встречи. И невольно качаю головой: это какой же несокрушимый дух нужно иметь, чтобы вынести весь этот кошмар, который обрушился на отца Михаила в страшные годы безбожной советской власти...

Отец Михаил Капранов родился в 1944 году в Нижнем Новгороде в простой семье. Отец его работал на автозаводе, мать была домохозяйкой. Как тогда говорили, - обычная советская семья. Это только со временем отец Михаил узнал, что его дед служил Царю и Отечеству, был награжден Георгиевским крестом и золотым именным оружием и геройски погиб за Родину во время Брусиловского прорыва. А мама оказалась из семьи раскулаченных, ее отца, мать, сестер и братьев советская власть сослала на Урал, где вскоре все они умерли. Ее спасло то, что в момент раскулачивания она жила и училась в другом городе...

В юности чем только Отец Михаил не увлекался: народниками, толстовцами, даже попробовал было разобраться в оккультном учении Рерихов. Интересовался баптизмом. Но все эти увлечения быстро прошли. Осталось Православие. Оно постепенно становилось для него той особой ценностью, ради которой можно и нужно было жить на этом свете.

Сразу после окончания школы, в 1961 году, Михаил поступил в Нижегородский университет на историческое отделение историко-филологического факультета, закончить который ему удалось только спустя тридцать с лишним лет, в 1993 году, заочно. В том же году он окончил духовную академию.

Михаила с друзьями арестовали в 1963 году. Допрашивал его старый чекист, подполковник. "Если бы мы здесь с тобой встретились чуть раньше, я бы тебе башку размозжил об эту стену", - без обиняков заявил он Михаилу.

В тот раз ребят не посадили, выпустили на свободу, только из университета исключили. Естественно, начались бесконечные слежки, доносы. Сначала их это даже развлекало. Они играли в игру "уйти от слежки": заходили в пассажирский транспорт, ждали, когда зайдет "хвост", а потом чуть ли не на ходу выскакивали на улицу, провожая взглядом своих соглядатаев. Веселились, как могли. Хотя и понимали, что статья, которая им грозила, была очень серьезной - 70, ч.1, бывшая сталинская 58, ч.10 - "антисоветская агитация".

Ребята взахлеб читали запрещенных Гумилева, Ахматову, Варлаама Шаламова. Были и более серьезные книги, за чтение которых власти по головке точно бы не погладили, такие например, как самиздат на политические, экономические, религиозные темы. Тем более, что они не просто читали, но анализировали, сопоставляли, дискутировали и даже пробовали сами писать. Зачем ему все это нужно было? Талантливый, умный красивый парень, он мог бы стать замечательным историком, филологом или, наконец, просто "настоящим советским человеком". Вот как он сам однажды ответил на этот вопрос: "Политические устремления многих из нас имели чисто нравственную основу. Мы стремились сохранить в своих душах святыню, что выражалось, возможно, в неких романтических идеалах, протестах против ложных ценностей".

Тогда, в 1963 году, грозовые тучи, собравшиеся было над головой Михаила, отступили. В 1964 году ему даже предоставили возможность восстановиться в университете. Тут же предложили

написать заявление, чтобы его вновь приняли в комсомол, из которого Михаила исключили сразу после ареста. Но он наотрез отказался.
В 1965 году во всех вузах страны был введен курс научного атеизма. В университете, где учился Михаил, предмет преподавал образованнейший человек, старый интеллигент, профессор, выпускник императорского института. Вряд ли он был атеистом, скорее, он просто не предавал особого значения вере, для него это было не самое главное в жизни. Но заинтересовать религией он смог многих. Одним из первых его заданий было самостоятельно прочитать Новый Завет и всю Библию. А затем они на занятиях разбирали "трудные места". "Они (коммунисты, - Авт.) сами того не желая, сделали для меня все возможное, чтобы я пришел в Церковь", - пошутил как-то отец Михаил.
Вскоре мирная жизнь закончилась. В 1968 году Михаил с друзьями распространили в центре города листовки, рассчитанные на студенческую аудиторию и интеллигенцию. Молодые люди, представившись группой "Обновление", называли суд Союза Советских Социалистических республик фальшивым и лицемерным, оказывающим неприкрытое насилие и отличающимся несостоятельностью обвинения. Они требовали свободу политических союзов и организаций, амнистии политическим заключенным и отмены преследований за политические убеждения, отмены цензуры, опубликования архивных документов 30-50-х годов. Листовка имела эпиграф: "Тирания, имеющая видимость народной власти, - худшая из тираний" (Руссо). Много позже отец Михаил напишет книгу "Наболевшее", эпиграфом к которой станут глубокие, мудрые слова святого Августина: "Государство, организованное не на заповедях Божиих, - это не что иное, как временный ад на земле".
Его вновь арестовали накануне дня памяти святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба. Отец Михаил вспоминал, что на первом же досмотре с него сняли нательный крест. Однако мысль о том, что того креста, который дает Сам Господь, никто лишить его не сможет, успокаивала. А также укрепляла молитва - ее в тюрьме он не оставлял ни на минуту.
От адвоката Михаил отказался. Когда же суд стал настаивать, Михаил напомнил судьям слова Ф.М.Достоевского - "адвокат - это нанятая совесть", и больше к нему с этим вопросом уже не обращались. Однако именно этот факт позволил суду вставить в приговор строчку о том, что в ходе судебного заседания подсудимый продолжал вести антисоветскую агитацию.
Процесс по этому делу, как и сотни других, ему подобных, был, естественно, закрытым, но в последний день суда публику все-таки запустили в зал. Естественно приглашены были "представители общественности", комсомольцы и коммунисты, но вместе с ними каким-то образом в зал удалось пробраться и единомышленникам Михаила. Когда зачитывали приговор, Михаил с товарищами поднялись с места и закричали "Долой ваш суд! Сталинизм не пройдет!" Зал взревел. Одни возмущались поведением подсудимых и яростно выражали негодование по этому поводу, другие, напротив, не боясь последствий, кричали: "Ребята, держитесь, мы с вами!". И в этой шумихе вдруг из зала к подсудимым прилетел... букет ландышей! Спустя десятилетия, рассказывая об этом случае, отец Михаил говорил мне: "По всем политическим процессам 60-80-х годов я не знаю такого случая, чтобы в день оглашения приговора осужденные стояли с ландышами в руках!". Так с ландышами они и приехали в тюрьму, и никто не посмел отобрать у них цветы.
Михаила приговорили к семи годам лишения свободы в политическом лагере строгого режима в Мордовии. Так жизнь познакомила его с системой советских концентрационных лагерей, идейным организатором которых был вождь коммунистов Владимир Ульянов-Ленин. Именно советскую систему концлагерей взяли спустя годы на вооружение немецкие фашисты - она как нельзя лучше подходила к их плану уничтожения "недочеловеков".
"Просто поразительно, как такая крошечная горстка заговорщиков, этих хладнокровных убийц и

ненавистников всего русского во главе с их главарем Владимиром Лениным смогла прийти к власти", - часто сокрушается отец Михаил.
Недавно он мне рассказал об одном случае. Примерно 20 лет назад в каком-то журнале он прочитал воспоминания Надежды Крупской о том, как Ленин отбывал ссылку в Шушенском. В частности Крупская сообщала, что когда река поднималась и затопляла берега, на образовавшихся островах оказывалось много зайцев. Владимир Ильич на лодке объезжал эти острова. Но в отличие от деда Мазая, который спасал животных, Ленин разбивал им головы о борт лодки, экономя, таким образом, патроны и сохраняя шкуру зверьков в целости и сохранности. Возможно, некоторые припишут этот безумный поступок охотничьему азарту (говорят, Ленин любил пострелять), хотя на самом деле это даже и азартом не назовешь. Это особое состояние, к охоте никакого отношения не имеющее, это - жестокость, свойственная людям с расстроенной психикой. "Как в те годы мог пройти этот рассказ, о чем думали коммунисты, когда его публиковали?", - до сих пор разводит руками отец Михаил.
Многому он научился за лагерные годы, многое постиг. Как сам он потом говорил, за время своего пребывания в советских лагерях из антисоветчика он превратился в настоящего антикоммуниста. "Разница, кстати, большая", - всегда подчеркивает отец Михаил. Антисоветизм - это неприятие Советов, как искусственного, ложного органа, который ничем, конечно, не управляет, а только подчиняет все и вся партийным структурам и партийным деятелям. А коммунизм суть большевизм, который построен на лжи, предательстве, цинизме. Все русская литература, вся наша история были переиначены в угоду коммунистов так, что и до сих пор мы не можем выбраться из многих большевистских штампов. "Это не значит, что все коммунисты подлецы, - говорит батюшка. - У меня брат и отец коммунисты. Но важно понять смысл коммунизма. А смысл - сатанинский. Духовный разврат, насилие, убийства невинных людей. При этом совсем не важно, сколько людей погибло - тысяча, миллион, двадцать миллионов. Один человек в глазах Божиих - это неповторимое создание!"
Господь попустил власть коммунистов по нашим грехам. Но мы должны осмыслить свой грех и не допустить возвращения коммунистического насилия. Говорят, что коммунисты стали не те, Зюганов не против сотрудничества с Церковью, некоторые коммунисты даже стали похаживать в храмы - якобы уверовали. Но обольщаться не надо. Государство, построенное на лжи и насилии, не смотря ни на какие "благоприятные" перемены, рано или поздно вновь обратится ко лжи и насилию. Просто потому, что природа у этого государства такая - САТАНИНСКАЯ.
"В 60-х годах я уже был православным христианином, регулярно ходил в церковь, и, конечно, выстоять в таких кошмарных условиях, какие созданы были для нас в лагере, мне помогла исключительно вера в Бога, - уверен отец Михаил. - Конечно, нас сильно сплачивало и укрепляло противостояние большевизму. Но без веры - кто знает?! - я бы мог не выдержать. У нас были случаи, когда заключенные бросались в "запретку", то есть запретную зону, в надежде, что охрана откроет по ним огонь и, таким образом, закончатся их мучения. Один украинец однажды сам убил себя ножом. Другие совершали побеги прямо из колонны. Надежда на удачный побег в этом случае была минимальной (хотя однажды одному заключенному удалось убежать именно таким образом; впрочем, через два года его все-таки нашли и вернули на зону), но люди, решившиеся на этот шаг, полагали, что если побег не удастся, то уж лучше принять смерть, чем продолжать страдать за колючей проволокой. И чаще всего их убивали".
В лагере было много православных монахов и священников, которые сидели по 25 лет и больше. Но служили каждый день! Стоять запрещалось - значит, что-то замышляют! - так, они обедницу служили на ходу во время прогулок, читая молитвы про себя или вполголоса. Михаил и акафисты учил наизусть - записывать было нельзя, если найдут хоть строчку - сразу в ШИЗО (штрафной изолятор) на 15 суток. Хотел даже начать поститься, но священник, окормлявший его в зоне, не

благословил. Хотя многие монахи и священники в лагере постились!
За год до освобождения Михаилу дали на сохранение Новый Завет. Книгу сюда привезли с Колымы, и, не смотря на ежедневные обыски, ни во время этапа, ни после, уже в мордовской зоне, никто ее не находил! Отец Михаил считает это знаком особой милости Божией ко всем верующим заключенным и к нему самому. К тому времени он уже окончательно решил стать священником.
Он освободился в 1976 году. Но служить в Церкви Божией на родине ему не позволили, устроили такие препоны, что пришлось уехать в Сибирь. Сначала Михаил пономарил в Томске, потом его рукоположили в священники и назначили настоятелем церквушки в томском поселке Тогур, со всех сторон окруженным болотами и тайгой. Добраться до деревни можно было только самолетом или летом по реке. Да и то зимой этот путь был небезопасным. Были случаи, когда люди, отважившиеся на такое путешествие, до деревни так и не доходили - замерзали в тайге. Несмотря на непомерные государственные налоги, которые достигали 60 процентов от заработной платы (только с 1981 года этот налог понизили до 40 процентов), и суровые природные условия, отец Михаил не унывал, и до сего дня вспоминает эти дни. "Служение было таким благодатным!", - часто говорит он.
Прихожане тогурской церкви были все как один ссыльные-пересыльные. Как-то договорились - подняли колокола на Пасху и устроили Пасхальный перезвон! То-то радости было! Но через несколько дней отца Михаила вызвал к себе местный оперуполномоченный и начал его песочить: "Да какое вы имели право без нашего разрешения колокола поднимать?! Вы только посмотрите, сколько на вас жалоб поступило. Врачи больницы жалуются на то, что ваш звон мешает больным спать; учителя негодуют по поводу того, что звон не дает сосредоточиться ученикам; рабочие, вернувшиеся с ночной смены, также не могут заснуть!.." А отец Михаил со смирением ему отвечает: "Да разве у нас колокола - колокольчики!.. Если бы были по-настоящему большие колокола - вот был бы перезвон, так перезвон! Да и потом пасхальная седмица скоро закончится, и звонить в свои колокольчики будем только по праздникам да воскресным дням". Слова, сказанные со смирением, имеют большую силу. Оперуполномоченный погрозился еще какое-то время, да и отпустил отца Михаила.
И еще был один интересный эпизод, тоже в Тогуре. Тогда у власти появилась "мода" устраивать перепись икон (лик какого святого написан, какой век, примерная стоимость иконы), якобы на случай возможного воровства. Приехала комиссия и в Тогур, но отец Михаил с прихожанами успел договориться, и церковь перед носом "комиссаров" закрыли. А пока суд да дело, все старые иконы прихожане попрятали по домам. Все было как во времена революции: большевики приходили изымать мощи святых, а гробницы оказывались пустыми - монахи и прихожане скрывали мощи от поругания и уничтожения. Правда это давало повод большевикам говорить, что попы, якобы, обманывают народ, но ведь речь шла о сохранении святых мощей.
Кто знает, может быть, так и служил бы отец Михаил в Тогуре, если бы не его слабое здоровье, окончательно подорванное в лагерях. Болотистый воздух вызвал у него обострение бронхиальной астмы и владыка Гедеон перевел батюшку в Красноярск.
В Красноярске отец Михаил познакомился со многими замечательными людьми - художниками, поэтами, писателями. Среди них был и Виктор Петрович Астафьев. Между ними установились очень теплые отношения, а дочь отца Михаила даже стала крестной матерью внучки Астафьева - Олечки. С Астафьевым был связан один интересный случай. Однажды в Красноярск приехал владыка Гедеон, и как обычно остановился у отца Михаила. Но поскольку власть была богоборческая, то ему пришлось идти к уполномоченному по делам религии, чтобы сообщить о своем прибытии в город. Уполномоченный же прежде, чем принять владыку, полдня продержал его под дверью. Поскольку отец Михаил был дружен с Астафьевым, то в одну из очередных встреч

с писателем он рассказал об этом вопиющем случае. Рассказал и забыл. А через некоторое время отца Михаила вызывает тот самый уполномоченный и заявляет: "Это вы рассказали Виктору Петровичу о нашей встрече с владыкой Гедеоном? Так вот знайте, Астафьева из Красноярска мы убрать, конечно, не сможем, а вас - запросто уберем. Я вам такую характеристику накатаю!.." Расстроенный отец Михаил позвонил Юрию Петровичу и все ему рассказал. Оказалось, что Астафьева пригласили на совещание атеистов Западной Сибири и попросили выступить. Взяв слово, Астафьев неожиданно спросил: "Кто тут местный уполномоченный?" И когда ему показали его, Виктор Петрович в лоб высказал ему все, что он о нем думает, закончив пылкую речь словами: "Я добьюсь, чтобы вас отсюда убрали!" Впрочем, рассказывают, что говорил он еще резче - хорошо известно, что когда Юрия Петровича выводили из себя, он особо не церемонился. Выслушав отца Михаила, Юрий Петрович попросил его перезвонить ему через полчаса, и когда батюшка вновь набрал его номер, Астафьев сообщил, чтобы он не беспокоился и продолжал спокойно служить - никто его больше не тронет.

Но об этом случае богоборцы, конечно же, не забыли. Вскоре в "Красноярском рабочем" появилась злобная статья, в которой отец Михаил обвинялся в тяжких грехах против советской родины. Причиной написания статьи послужили встречи батюшки с друзьями, с которыми он был в лагерях и тюрьмах. К счастью, времена уже были другие, на дворе стоял конец 80-х годов, да и фигура Астафьева была слишком значительной, чтобы можно было без труда вершить расправу над священником. Тем не менее, отец Михаил настолько устал от постоянных нападок, что был вынужден уехать в Барнаул.

Сначала в Барнауле он служил в Покровской церкви, затем, когда власти позволили открыть Никольский храм - начал в нем настоятельствовать. Хорошие отношения сложились и с местной творческой интеллигенцией, в какой-то степени благодаря Астафьеву, который сразу после отъезда батюшки из Красноярска позвонил в барнаульское отделение Союза писателей и попросил встретить отца Михаила "как своего". Скоро отец Михаил действительно стал своим среди поэтов и писателей Алтая. Хотя дух богоборчества в тех местах был еще силен. Идти по улицам города в облачение означало взять на себя подвиг - нередко в спину неслись ругательства, матерщина, могли бросить камень. За каждым шагом следил местный уполномоченный, которого, конечно же, тоже предупредили, что собой представляет батюшка из Красноярска. Нужно было быть очень осторожным, поскольку за любой проступок могли запретить служить. Проповедь в храме можно было говорить только по бумажке, при этом все знали, что в храме стоит кто-то из стукачей, который не только донесет, но еще и переврет все на сто раз. В памяти отца Михаила еще свежа была томская история, когда одного батюшку, во время чтения Псалтыри произнесшего слова из псалма царя Давида "Господи, спаси Царя...", вызвали к уполномоченному и долго-долго мучили вопросом: "Какого царя он собирается спасти?" Батюшка отделался строгим выговором, хотя все могло закончиться гораздо хуже.

Время не стоит на месте. В епархии открываются новые храмы, старые - пополняются прихожанами - слава Богу, люди идут в Церковь. Вспоминаются слова отца Михаила: "Хрущев закрыл более 10 тысяч церквей, к 1980 году обещал показать последнего попа по ТВ. И что же? Хрущева нет, а священников все больше и больше".

За годы настоятельства отец Михаил организовал молодежное братство, построил одну воскресную школу с тремя детскими классами, певческим, компьютерным классами, строит другую...

...Я смотрю на батюшку, который лежит на больничной койке, бледный, исхудавший, говорит тихо, еле-еле. Но чувствуется в нем внутренняя сила. Ее выдают глаза отца Михаила. Они уставшие, но живые. И ум ясный. И я уверен, что за все перенесенные невзгоды Господь и впредь будет укреплять батюшку в его нелегком служении на ниве Христовой.

Слава Богу за все!

Протоиерей Александр Новопашин, православный журнал "Радонеж", февраль 2007 г.

06.12.2007 г.